

всякие сосуды для нечистот. К тому же утопийцы из этих металлов изготавливают цепи и тяжелые оковы, которые надевают на рабов. Наконец, у каждого, кто опозорил себя каким-нибудь преступлением, с ушей свисают золотые кольца, золото охватывает пальцы, золотое ожерелье окружает шею, и, наконец, золото обвивает его голову. Так они всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в бесславии: и выходит так, что утопийцы, кажется, не ощутили бы никакого ущерба, если бы однажды им пришлось израсходовать целиком те металлы, которые другие народы тратят с не меньшей болью, чем если бы терзали они свою собственную утробу, у утопийцев, если бы однажды и потребовалось израсходовать их целиком, никто, кажется, не ощутил бы для себя никакого ущерба.

Кроме того, они собирают на берегах жемчуг, а на разных скалах алмазы и рубины, однако не ищут их, а шлифуют попавшиеся случайно. Ими они украшают детей, которые в раннем возрасте похваляются такими украшениями и гордятся ими; когда же войдут немного в возраст и заметят, что такого рода забавы есть только разве у одних детей, они безо всякого напоминания родителей, сами по себе со стыдом откладывают их в сторону. Не иначе, чем наши дети, когда, подрастая, бросают они орехи, шарики и куклы. Эти, столь сильно отличающиеся от прочих народов, установления порождают столь же отличающееся умонастроение – ничто не прояснило мне этого более, чем случай с анемолийскими послами.

Приехали они в Амаурот (когда я сам там был) и оттого, что приехали они обсудить важные дела, перед их прибытием приехали по три гражданина из каждого города; однако все послы соседних народов, которых раньше туда отправляли, которым были хорошо известны обычаи утопийцев, которые понимали, что очень дорогая одежда у тех несколько не в почете, что шелком они пренебрегают, а золото даже считают позорным, обычно приезжали в возможно более скромном платье. Но анемолийцы, оттого что жили они очень далеко и имели мало с ними дела, когда узнали, что утопийцы носят одну и ту же грубую одежду, подумали, что те совсем не имеют того, чем не пользуются; сами же, более высокомерные, чем мудрые, решили для большего величия предстать какими-то богами и ослепить глаза бедных утопийцев блеском своего наряда. Так вступили три посла в сопровождении ста спутников все в разноцветном платье, большинство в шелку, сами послы (ибо у себя дома они были знатными людьми) – в золотых плащах, с большими ожерельями и золотыми серьгами, к тому же на руках у них были золотые кольца, сверх того шляпы их были увешаны бусами, сверкающими жемчугом и драгоценными камнями – в конце концов они были украшены всем тем, что у утопийцев служило или для наказания рабов, или было знаком бесславия, или же забавой для детей. Поэтому стоило труда посмотреть, как петушились анемолийцы, когда сравнивали свой наряд с одеждой утопийцев (ибо на площадь высыпал народ). И, напротив, с не меньшим удовольствием можно было наблюдать, сколь сильно обманулись они в своих надеждах и ожиданиях, сколь далеки они были от того уважения, которое полагали обрести. И впрямь, на взгляд всех утопийцев, за исключением совсем немногих, которые по какому-нибудь удобному поводу посещали другие народы, весь этот блестящий наряд казался весьма постыдным, и, почтительно приветствуя вместо господ каждого незнатного, самих послов из-за употребления ими золотых цепей посчитали они за рабов и пропустили безо всякого почета.

Ты мог бы также увидеть детей, которые бросали прочь драгоценные камни и жемчуг; когда они замечали, что такие же прикреплены у послов на шляпах, толкали материй и говорил им: "Вот, мать, какой большой бездельник, до сих пор носит жемчуг да камушки, будто он мальчишка!" И родительница тоже серьезно отвечала: "Сынок, я думаю, это кто-нибудь из посольских шутов". Другие осуждали те самые золотые цепи, говорили, что от них никакого толка – они настолько тонки, что раб легко их разорвет, и опять же настолько просторны, что, захотев, он может легко их стряхнуть и убежать, куда угодно, раскованный и свободный. После того же как послы пробыли в этом городе день-другой, они заметили, что там весьма много золота и стоит оно весьма дешево, и увидели, что утопийцы не менее его презирают, чем сами они его почитают; к тому же на цепи и оковы одного беглого раба шло больше золота и серебра, чем стоил весь их наряд для троих; опустив крылья, устыдясь, убрали они все, чем столь надменно похвалялись. Особенно же после того, как дружески побеседовали с утопийцами, изучили их обычаи и мнения: утопийцы удивляются, если какой-нибудь смертный, которому дозволено созерцать какую-нибудь звезду и даже, наконец, само солнце, находит удовольствие в неверном блеске маленькой жемчужины или камешка; неужели возможен такой безумец, который кажется самому себе более знатным из-за нитки более тонкой шерсти; если эту самую шерсть, как ни тонки ее нити, носила некогда овца и